

«ОДИССЕЯ»

АНДРЕЯ КОНЧАЛОВСКОГО

Век. Москва. — 1997 — 19 авг. — с. 4

Андрей Кончаловский может спорить о кино до утра

Судя по всему, 60-летие известного кинорежиссера Андрея Михалкова-Кончаловского, которое случится 20 августа, будет праздноваться с еще большим размахом, чем полувековой юбилей его младшего брата Никиты. В рамках недавно прошедшего XX Московского международного кинофестиваля была показана почти полная ретроспектива картин мастера, снятых им за 35 лет творческой деятельности в России и за рубежом. Это было только начало массовых празднеств. В конце августа на кинофестивале «Балтийская жемчужина» в Юрмале сама Джина Лоллобриджида (она — почетный президент этого киносмотрa) вручит Андрею Сергеевичу приз за вклад в киноискусство, который знаменитая актриса извывает собственными ручками. Кстати, Джина впервые вручала такой же приз в прошлом году. И по счастливой случайности его получил Никита Михалков. Затем чествование продолжится в Анталии, где в начале октября на международном кинофестивале тоже будет показана краткая ретроспектива лент Кончаловского. А самую полную программу всех картин мастера увидят только те счастливчики, кто сможет с 1 по 15 ноября пробраться в Линкольн-центр, что в Нью-Йорке.

В дни Московского кинофорума Андрей Сергеевич с удовольствием общался с журналистами. Их интерес в первую очередь был связан с новым проектом мастера — грандиозным зрелищем «Одиссея», снятого по заказу американской телекомпании NBC. Его показ в Москве можно с полным правом считать одним из самых главных художественных событий минувшего фестиваля.

— Кем вы себя ощущаете: русским режиссером, снимающим в Голливуде, или американским режиссером, корни которого остались здесь, у нас? — с этого вопроса началась беседа с Андреем Кончаловским.

— Странный вопрос! У меня русская культура, и с этим ничего не поделаешь. От этого не откажешься. Родину, как и мать, не выбирают. И не важно, на каком языке говорит художник, — на английском или французском. Важно, чтобы он был понят. Конечно, есть режиссеры, которые могут делать фильмы исключительно только для России и только на русском языке. Скажем, Шукшин. А вот, например, Тарковский, хоть и был русским режиссером, снимал картины на космополитическом, я бы сказал — эсперанто-языке. Просто разные языки бывают, разные формы выражения чувств.

— С каким чувством вы приступали к такому захватывающему, масштабному проекту?

— В наше время, такое бедное на литературные источники, которые захотелось бы положить в основу большой интернациональной картины, можно ощущать только счастье от сознания, что ты соприкоснулся с великим

произведением. Я открыл его по-настоящему для себя только сейчас. Потому что то, что я читал в школе, давным-давно выветрилось из головы. Это было скучно, длинно, занудливо. Я сделал этот фильм для того, чтобы люди, которые никогда не читали Гомера, открыли бы его книжку. И, может, сразу же и закрыли. Но хотя бы взяли ее в руки. А кто-то скажет: ну вот, он насочинял в фильме, все было не так. Очень хорошо! Значит, он знаком с Гомером! В наш век, когда люди читают все меньше, важно напомнить о духовных традициях всей мировой литературы, в том числе и русской. Ведь вся литература началась с Гомера. Это наш праотец. Все самое главное в мировом искусстве питалось Древней Грецией.

— Как вы относитесь к проблеме соотношения человека и Бога?

— Мы вступаем в век самоконструирующейся эволюции, когда человек в очень скором времени сможет сам себя создавать, моделировать и изменять. Но это не значит, что он должен совсем отречься от Творца. Все ведь в мире очень относительно. Человек может думать, что он самый умный. Но всегда найдется кто-то, кто окажется умнее. Назовем его Богом.

— Не кажется ли вам, что вы сделали по-

настоящему европейский фильм? Если бы картину делали по голливудским стандартам, мы бы имели множество спецэффектов и минимум психологизма. А здесь все получилось по-другому... У вас явно европейский подход к съемке.

— Лучшие американские картины сделаны в традициях великой национальной классики. Я не думаю, что Коппола или Скорсезе — режиссеры не американские. Они очень глубокие, тонкие художники. Но ведь серьезных режиссеров в мире всегда мало. Я не думал, какое кино делаю — европейское или американское. Я просто делал фильм, который надо чувствовать.

— Почему вы обратились к телевизионному варианту, а не к обычному фильму?

— Сегодня телевидение — самое мощное средство массовой информации, оно вошло в каждый дом. Поэтому очень важно экранизировать произведения мировой литературы именно для телевидения. Появляется уникальная возможность показать истинные шедевры массовой аудитории. А кроме того, это гораздо большая система образования масс. Ведь на телеэкране я могу показать все гораздо детальнее, чем в кино. Предложение поставить Гомера для меня оказалось полной неожиданностью. Поэтому мне было все равно, что делать — кинофильм, телефильм или оперу.

— Как родилась идея экранизировать «Одиссею»?

— Еще три года назад Френсис Форд Coppola (один из исполнительных продюсеров) предложил мне сделать фильм по Гомеру. Но тогда я отказался, поскольку сценарий картины мне не понравился. Потом у меня лопнул проект экранизации «Щелкунчика» (я хотел делать «Щелкунчика» по Гофману, это был очень дорогой проект; я взял часть бюджета будущей ленты в долг у правительства России и положил их в банк «Аэрофлот», который вскоре лопнул, деньги пропали). Надо было как-то зарабатывать средства. А тут как раз ко мне снова обратился Coppola и сказал, что я могу делать со сценарием все, что захочу. Я переписал его практически заново за шесть недель, и началась работа. Снимали три ме-

сяца. Главную роль сыграл Арманд Ассанте, и то только при условии, что именно я буду режиссером (в Голливуде, кстати, все решают звезды, а не постановщики, они выбирают режиссеров, а не наоборот). Среди других участников картины — Гретта Скакки в роли Пенелопы, Ирен Папас — Антиноя, мать Одиссея, Изабелла Росселини в роли Афины, Кристофер Ли, Джеральдин Чаплин, Эрик Робертс, Ванесса Уильямс. Оператором я пригласил блистательного Сергея Козлова — одного из лучших молодых мастеров. Над музыкой работали Малкольм Макларен — человек, который знает о ней, по-моему, все (он нашел нам мелодии тех лет, подобрал соответствующие той эпохе по звучанию инструменты), и Эдуард Артемьев, который стал в последнее время на Западе заметной фигурой.

Картина делалась по заказу телеканала NBC. Давление с его стороны было колоссальным. Они диктовали нам буквально все: от подбора актеров, до того, что можно показывать на экране, а что — нет. Например, ни в коем случае нельзя было демонстрировать обнаженную женскую грудь несмотря на то, что в Древней Греции это было повсеместно. Но я с удовольствием принимал все «правила игры».

— Вас не смущает, что произведение, написанное на древнем греческом языке, мир воспринимает в англоязычной интерпретации?

— Нисколько. Я убежден: если бы «Одиссея» снималась в Греции, на языке Древней Эллады, ее никто бы смотреть не стал. А у нас получилось массовое кино, для всех. Великое творение Гомера проходило в школе, институте, однако мало кто задумывается о масштабах художественности его. А я хотел сделать кино для самых широких масс, даже для тех, кто, может, вообще не слышал, кто такой Гомер.

— После такого масштабного полотна вам, наверное, трудно переключиться на другие проекты?

— Сейчас все мои мысли о театрализованной постановке к 850-летию Москвы, которую мне предложило сделать правительство столицы. Это будет проект в гигантских масштабах с современной концепцией, в оперном духе (Кончаловский имеет богатый опыт в постановке на Западе грандиозных оперных спектаклей, например, в парижском «Одеоне» и миланском «Ла Скала». — Ред.). Мне помогает в этом Российское театральное агентство. Кроме того, я пригласил для работы своих друзей из Англии, которые делали самые знаменитые во всем мире шоу. Когда все это завершится, вернусь к своему сценарию о событиях в Чечне. Это должна быть трагикомедия о войне. Главное — найти под нее деньги. Еще написал сценарий о сегодняшней Москве...

Записала Марьяна СИДОРЕНКО